

УДК 91(470.1)
ББК 26.89(231)
И88

Утверждено научным советом ВоГУ

*Публикация осуществлена при финансовой поддержке
Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»*

Редколлегия:

Н. К. Максимова, канд. геогр. наук, доцент,
профессор кафедры географии и рационального природопользования
Вологодского государственного университета (ответственный редактор),

Н. Л. Болотова, д-р биол. наук, профессор кафедры биологии
и химии Вологодского государственного университета,

В. А. Саблин, д-р ист. наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета

Рецензент

И. В. Пугач, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории,
истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета

Исследования Русского Севера: экология, история, наследие : материалы
И88 VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)
к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского (Вологда, 25–27 октября 2022 г.) /
Правительство Вологодской области ; Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации, Вологодский государственный университет [и др.] ; [ответ-
ственный редактор Н. К. Максимова]. – Вологда : ВоГУ, 2022. – 362 с. : ил. – Текст :
электронный.

ISBN 978-5-907606-43-2

В сборнике опубликованы материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Исследования Русского Севера», организованной Вологодским государственным университетом под эгидой Правительства Вологодской области при участии Вологодского отделения Русского географического общества, Вологодского отделения Российского исторического общества, Северо-европейского открытого научно-образовательного консорциума. Русский Север – это регион с уникальной природой, историей, традициями природопользования, экологией, наследием, на протяжении многих веков являющийся центром синтеза северорусской и финно-угорской культур. Исследования Севера Европейской части России ежегодно приносят новые открытия и позволяют по-новому рассмотреть роль края в истории и в будущем развитии страны. Материалы сборника адресованы студентам и преподавателям вузов, исследователям, а также всем, кто интересуется вопросами геоэкологии, истории, культуры Русского Севера.

УДК 91(470.1)
ББК 26.89(231)

ISBN 978-5-907606-43-2

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2022
© ВОО «Русское географическое общество»,
2022

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ТРУДНИЧЕСТВО
В СЕВЕРНЫХ МОНАСТЫРЯХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ МОНАСТЫРЕЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Я.Э. Харитонова, аспирант
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова
г. Архангельск

Аннотация. Доклад посвящен традиции крестьянского трудничества на рубеже XIX–XX вв. в русских монастырях, в частности в обителях Архангельской губернии. Исследование основано на документах, хранящихся в региональных архивах и включающих в себя хозяйственную документацию, а также полевые материалы и источники личного происхождения. Предпринята попытка рассмотреть формы трудничества как постоянной или сезонной, безвозмездной или оплачиваемой работы крестьян-поморов и представителей малых северных народов в северных монастырях. Методологическую основу исследования составляет историко-антропологический метод, освещающий традицию крестьянского трудничества на Севере России с целью выяснения причин трудничества и его результатов для поморских крестьянских общин. В исследовании использованы метод критического и сравнительного анализа источников, а также метод источниковедческого синтеза, позволившие проанализировать документальные материалы. Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью вопроса крестьянского трудничества на рубеже XIX–XX столетий как формы взаимодействия северных монастырей и крестьянского мира. Монастырское трудничество было полезно для северного крестьянства, оно способствовало разрешению вопросов социально-экономического характера – трудовой занятости, заработка, возможности обеспечения семьи, обучения детей-обетников грамоте и приобретения ими ремесленных навыков.

Ключевые слова: монастыри, крестьянское трудничество, трудники, обетники, годовики, крестьянские сообщества, Архангельская губерния.

Abstract. The article is about the tradition of peasant labor in Russian monasteries at the turn of the 20th century, in particular in monasteries of the Arkhangelsk region. The study is based on regional archives documents including economic documentation, as well as on fieldwork results and personal records. The study strives to consider the following forms of labor in northern monasteries: permanent or seasonal, gratuitous or paid work of Pomor peasants and representatives of indigenous northern peoples. The methodology of the study is a historical research, describing the tradition of peasant labor in the North of Russia with the aim to clarify its causes and results for Pomor peasant communities. The used methods are critical and comparative

analysis, as well as synthesis of sources. The novelty of this research is predetermined by insufficient studies of the peasant labor at the turn of the 20th century as a form of interaction between northern monasteries and peasants. The monastic labor was beneficial for northern peasants; it helped to cope with socio-economic issues – employment, earnings, financial support for families, educating children to read, write and acquire handicraft skills.

Keywords: monasteries, peasant labor, workers, obetniks, yearlings, peasant communities, Arkhangelsk region.

На протяжении веков в русских монастырях была распространена традиция трудничества. Трудники отличались от богомольцев-паломников, приезжавших в обители помолиться, и от послушников, предполагавших в дальнейшем поступить в число братии тем, что работали на обитель ограниченное время или сезонно, часто получая плату за выполненную работу.

Различные аспекты монастырского трудничества фрагментарно освещались в дореволюционных исследованиях. Историки описывали причины поступления трудников в северные обители, вопросы быта наемных и даровых монастырских работников [23; 31; 32; 33; 35]. Современные исследователи рассматривали распространенную в Поморье традицию обетничества [3; 4; 5]. Однако вопросы трудничества привлекали историков в первую очередь в контексте монашества, как искус перед постригом [1; 2].

В докладе предпринята попытка осветить традицию крестьянского трудничества в северных монастырях на территории Архангельской губернии на рубеже XIX–XX в.

Основные сведения по данной теме можно извлечь из документов, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области (фонд 29 «Архангельская духовная консистория», фонд 174 «Монастыри и соборы Архангельской и Вологодской епархий», фонд 308 «Артемьев Веркольский первоклассный мужской монастырь», фонд 310 «Иоанно-Богословский Сурский заштатный женский монастырь»), Государственном архиве Мурманской области (фонд И-87 «Трифано-Печенгский монастырь»), научном архиве ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник» (фонд 2 «Научно-исследовательская деятельность»).

Методологическую основу исследования составляет историко-антропологический метод, освещающий традицию крестьянского трудничества на Севере России с целью выяснения причин трудничества и его результатов для поморских крестьянских общин. В исследовании использован метод критического и сравнительного анализа источников, а также метод источникововедческого синтеза, позволившие проанализировать документальные материалы.

На рубеже XIX–XX вв. трудниками в монастырях Архангельской губернии становились преимущественно выходцы из народа. Например, в Соловецком монастыре в 1886 г. 83% трудников были крестьянами [35, с. 36]. В силу огра-

ниченности многих сфер жизни, посещение монастыря становилось для деревенских жителей иногда единственной возможностью смены обстановки. Монастырское трудничество приобретало для крестьян характер рекреационно-оздоровительного мероприятия [24, с. 144], так как послушания по объему и нагрузке были менее значительны и часто имели высокий уровень механизации. Кроме того, трудничество, наряду со странничеством и подвижничеством, рассматривалось крестьянами как составная часть народной праведности [21, с. 6.].

Причин монастырского трудничества было несколько. Большинство трудников приходили в обители по обету. Обет – форма выражения благодарности за ожидаемую или уже полученную свыше милость: исцеление от болезни, спасение на войне, при пожаре, наводнении, возвращение с опасного промысла [5, с. 180]. «По вере и усердию» трудились в обителях сезонные работники.

Значимой причиной прихода трудников в обитель была бедность. Из-за экономической несостоятельности в монастырях трудились бобыли, дети из крестьянских семей, студенты, исключенные из семинарий и училищ, потерявшие рабочие места служащие.

Очень редким поводом для трудничества в монастырях был религиозный энтузиазм, поиск аскетических идеалов или житейское любопытство. По мнению историков, такие работники быстро теряли интерес к пребыванию в монастыре [35, с. 56–57, 60–61.].

Потребность в дополнительной рабочей силе испытывали в Архангельской губернии, первую очередь, островные и прибрежные мужские монастыри – Соловецкий, Пертоминский, Онежский Крестный, Николаевский Корельский, а также обители, переживавшие реконструкцию и возрождение – мужской Трифоно-Печенгский и женский Сурский Иоанно-Богословский. Однако трудники ехали в монастыри и в материковой части губернии, хотя количество работников в таких обителях было в разы меньше.

Несмотря на то, что востребованность обителей в трудниках была велика, часто в летний период большие монастыри, полностью восполняли свои потребности в дополнительной рабочей силе. Поэтому потенциальных трудников, ехавших в Соловецкий и Пертоминский монастыри, отправляли в другие северные обители, нуждавшиеся в рабочих руках, например в возрождавшийся с 1886 г. Трифоно-Печенгский монастырь [22].

Крестьян, трудившихся в монастырях Архангельской губернии, можно подразделить на следующие группы: сезонные рабочие, постоянные трудники, обетники-годовики, надомные работники.

На рубеже XIX–XX столетий сменяемость трудников в островных и прибрежных обителях происходила обычно в конце мая – первой половине июня, когда на Севере начиналась навигация. В этот период монастыри активно набирали **сезонных рабочих**. Начинались летние полевые и строительно-ремонтные работы. При этом особого отбора желающих потрудиться в монастыре обители

не производили, требовалось только письменное согласие претендента. Совсем не принимали на сезонные работы пожилых и больных людей, а также детей до 10 лет.

Место работы для сезонных трудников определялось в зависимости от их способностей и навыков. Если вновь прибывший не обладал трудовым опытом, его пробовали на разных работах и оставляли там, где он оказывался наиболее способным [35, с. 38, 40–41.].

С апреля по октябрь почти все мужское население ближних к обителям деревень приезжало на работу в Соловецкий и Пертоминский монастыри. Большое количество желавших поработать инспектировали экононом монастыря и иноки-мастера. Нанимали только тех, кто в предыдущие годы не был замечен в нарушении внутримонастырской дисциплины [26, л. 103]. Трудились поморы в монастырях и по два-три дня на краткосрочных летних сезонных работах – жали, косили, собирали сено [29, л. 8 об.].

Сезонно на монастыри работали и поморы-мореходы из деревень, ближних к Соловецкому и Пертоминскому монастырям. Они перевозили богомольцев в навигацию на судах-карбасах собственной постройки [28, л. 66].

В конце лета – начале осени монастыри принимали к себе **постоянных трудников**, в первую очередь тех, кто обладал ремесленными навыками [35, с. 41.]. Постоянных работников определяли для обслуживания монастырских семужьих тоней, где старшими ставились соловецкие, пертоминские и печенгские монахи [17; 27, л. 54].

В качестве тоневых штатных служителей монастыри нанимали, по распоряжению гражданского начальства, и поморов, выбранных местными жителями из своей среды. В течение своей работы на монастырских тонях они отдавали государственную повинность натурой, получая ежемесячное жалование [6].

В Трифоно-Печенгском монастыре на тонях работали и лопари. Обитель обеспечивала каждого из них продуктами на все время работы [17, л. 21–26 об.].

Постоянно трудники работали на монастырских судах. Собственными морскими и речными судами владели мужские Соловецкий, Пертоминский и Трифоно-Печенгский монастыри, а также женская Сурская обитель.

На Соловецких островах промысловые суда использовались монахами с XVI в. А к началу 1860-х гг. сформировался и пассажирский флот. К концу XIX столетия монастырская флотилия насчитывала несколько рыболовецких карбасов и три паровые парохода – «Вера», «Надежда» и «Любовь» [26, л. 103]. Пертоминская обитель владела парусным судном, приобретенным в Норвегии в начале XX в. [25, с. 119]. В хозяйстве Трифоно-Печенгского монастыря имелись пароход и несколько рыболовецких ел [17, л. 9]. В распоряжении Сурского монастыря находился колесный пароход «Святитель Николай Чудотворец». Он был построен в Санкт-Петербурге в 1898 г. и подарен обители протоиереем Иоанном Сергиевым (Кронштадтским).

На монастырских судах трудники часто работали по несколько лет. Соловецкий монастырь в таком случае индексировал заработную плату в зависимости от количества проработанных лет: в первый год работник получал пять рублей, в каждый последующий год – на рубль больше [26, л. 103].

На монастырских судах наемные работники трудились капитанами, кочегарами, механиками, машинистами, штурвальными, матросами, масленщиками. Все они получали от обитателей заработную плату. Так, в Сурском женском монастыре команда корабля «Святой Николай Чудотворец» получала в год 2162 руб. 58 коп. [1, л. 2]. При этом в команду парохода входили не только местные поморы, но и крестьяне близлежащих губерний [16]. Кроме того, Сурский монастырь оплачивал своих штатных лоцманов и лоцманов, нанимаемых для прохождения монастырских судов по рекам Сухоне и Шексне [32, л. 3].

Постоянные работники трудились в обителях в мастерских и на заводах. Так, в Трифоно-Печенгской обители на кирпичном, гончарном, смолокурном заводах, в сапожной, портной, столярной и плотницкой мастерских работали более сотни постоянных работников [18, 19].

Сурский монастырь нанимал кирпичных мастеров из крестьян Архангельской и Олонецкой губерний. Мастера использовали своих лошадей и подмастерьев, а монастырь предоставлял печь для обжига, дрова и оплачивал работу [13, л. 1, 2, 9]. Нанимал на постоянной основе Сурский монастырь и трубочистов, разнорабочих и работников для выкатки леса для монастырского строительства [13, л. 12–13, 18–19; 14, л. 1]. Иногда трудники получали за работу продукты – масло и муку. Хлебом обители расплачивались и за работу крестьянских артелей [5, с. 25].

Постоянные трудники работали также в монастырях материковой части Архангельской губернии. Они занимались хозяйственными работами, помогали на клиросе, вели переписку, работали в монастырских мастерских [8, л. 4; 9, л. 3 об.; 10, л. 5 об.; 11, л. 6; 12, л. 26].

В качестве работников монастыри принимали и **обетников**. В конце XIX в. число взрослых обетников на Соловках составляло от шестисот до тысячи человек [34, с. 3]. Однако чаще местные жители отдавали по обету в монастыри Архангельской губернии детей, так как их отсутствие в хозяйстве было не очень заметно. Кроме того, ребенок обычно возвращался из обители с приобретенными ремесленными навыками, а иногда и обученный грамоте [35, с. 57].

Монастыри брали на себя обязательства содержать и учить детей грамоте и ремеслу [27, л. 37; 7, л. 16]. Дети посещали занятия по Закону Божию, чтению, чистописанию, церковному пению, в воскресные и праздничные дни присутствовали на богослужениях. Для работы с детьми в мастерских назначали специалистов из братии. Среди жителей близлежащих с Соловецким монастырем деревень было много тех, кто в детстве и юности получил в обители те или иные трудовые навыки [27, л. 37]. Многие из детей оставались в обители дольше положенного времени [28, л. 17].

Малолетние мальчики-обетники трудились в монастыре бесплатно, только «из-за хлеба». А примерно с 16 лет им полагалась плата за их труд. Их рабочий день по продолжительности равнялся рабочим часам взрослых трудников. Хотя монастыри задействовали детей-обетников на тех же послушаниях, что и взрослых, все же чаще мальчиков посылали на более легкие работы.

Проживание в монастыре для мальчиков-годовиков было полезным. Почти всегда они прибывали в обитель не подготовленными ни к какой ремесленной работе. В обители дети имели возможность присматриваться к ведению различных отраслей хозяйства, современному оснащению монастырских производств, приобретать различные трудовые навыки [31, с. 66].

Для решения своих хозяйственных вопросов северные монастыри привлекали местных жителей в качестве **надомных работников**. Соловецкий и Пертоминский монастыри считали «своими» жителей деревень Онежского и Летнего берегов Белого моря. Обители заказывали жительницам беломорских деревень прядение льна и конопли для изготовления полотна. Вдовы погибших поморов в зимние месяцы шили из этого полотна «порты и рубахи» для иноков, «по 40 штук за зиму». В качестве оплаты надомницы получали хлеб и продукты [30, л. 3 об.]. Весной готовую продукцию отвозили в обители [27, л. 45], а излишки продавали паломникам.

Спрос северных монастырей на беломорский жемчуг поддерживал добычу местного речного жемчуга и использование его для украшения церковной утвари и священнических облачений [20, с. 66].

Островные и прибрежные монастыри служили и важными торговыми пунктами для местных жителей. Большая часть поморов приобретали здесь продукты, ткани, орудия труда. Зачастую монастыри предоставляли все это в долг, в счет будущего улова или морского промысла. Если же итоги промысла были неутешительные, местные жители возвращали долг обители личным трудом в качестве наемных рабочих. Некоторые крестьяне годами не могли выйти из монастырского долга. А за крестьян, показавших себя ответственными работниками, монастыри платили мирские и государственные подати [35, с. 166–167].

Таким образом, проведенное исследование традиции крестьянского трудничества в северных монастырях на рубеже XIX–XX столетий свидетельствует об активном вовлечении в эту сферу жизни дореволюционного крестьянства Архангельской губернии, а также представителей малых северных народов. При этом трудничество, наряду со странничеством и подвижничеством, рассматривалось северными крестьянами как составная часть народной праведности.

Среди местного населения в исследуемый период приобрели популярность различные виды «работы на монастырь» – сезонная сельскохозяйственная деятельность, наемный труд в ремесленных мастерских и заводах, обеспечение рабочей силой монастырских тоней и судов, надомная работа жителей близлежащих к обителям деревень.

Самой частой причиной трудничества становился обет, дававшийся человеком Богу в сложных жизненных обстоятельствах. Кроме трудников-обетников в обителях работали обедневшие слои северного крестьянства, а также богомольцы, ведомые в монастыри религиозным энтузиазмом.

Как форма производственной деятельности трудничество приносило пользу местному населению. Монастырские работники получали ремесленные навыки и заработок, дети-годовики обучались грамоте и приобретали возможность социализации в трудовой среде. Крестьянское трудничество способствовало разрешению некоторых вопросов социального-экономического характера – благодаря запросам монастырей, население беломорских побережий развивало прядильный, жемчужный, извозный промыслы.

Можно сказать, что крестьянское трудничество на Севере России на рубеже XIX–XX вв. играло роль социального стабилизатора и служило связующим звеном между экономической деятельностью Церкви в лице северных монастырей и хозяйственными инициативами крестьянского мира.

Источники и литература

1. Алексеева, Н. В. Труд в догматике православного монашества (на материалах Вологодской епархии второй половины XVIII – XIX вв.) / Н. В. Алексеева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 12 (66). – С. 98–103.

2. Алексеева, Н. В. Монастырское «трудничество» и его влияние на окружающий мир (на материалах Вологодской епархии второй половины XVIII – XIX веков) / Н. В. Алексеева // Verbum. Выпуск 20: Протестантская этика труда и формирование нравственного самосознания европейского индивида. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 21–38.

3. Архив Института этнографии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Ф. 40 (Полевые материалы, собранные Т. А. Бернштам в Поморье). Оп. 1. Д. 14.

4. Бернштам, Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. / Т. А. Бернштам. – Ленинград : Наука, 1983. – 233 с.

5. Ведерникова, Н. М. Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье) / Н. М. Ведерникова, С. Е. Никитина. – Москва : Институт Наследия, 2014. – 320 с.

6. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 29 (Архангельская духовная консистория). Оп. 4. Т. 2. Д. 2055.

7. ГААО. Ф. 29 (Архангельская духовная консистория). Оп. 5. Т. 1. Д. 1350.

8. ГААО. Ф. 29 (Архангельская духовная консистория). Оп. 5. Т. 1. Д. 1760.

9. ГААО. Ф. 29 (Архангельская духовная консистория). Оп. 5. Т. 1. Д. 1829.

10. ГААО. Ф. 174 (Монастыри и соборы Архангельской и Вологодской епархий). Оп. 1. Д. 7. Л.

11. ГААО. Ф. 308 (Артемьев Веркольский первоклассный мужской монастырь). Оп. 1. Д. 57.

12. ГААО. Ф. 308 (Артемьев Веркольский первоклассный мужской монастырь). Оп. 1. Д. 75.

13. ГААО. Ф. 310 (Иоанно-Богословский Сурский заштатный женский монастырь). Оп. 1. Д. 12.

14. ГААО. Ф. 310 (Иоанно-Богословский Сурский заштатный женский монастырь). Оп. 1. Д. 21.

15. ГААО. Ф. 310 (Иоанно-Богословский Сурский заштатный женский монастырь). Оп. 1. Д. 32.

16. ГААО. Ф. 310 (Иоанно-Богословский Сурский заштатный женский монастырь). Оп. 1. Д. 82.

17. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. И-87 (Трифано-Печенгский монастырь). Оп. 1. Д. 4.

18. ГАМО. Ф. И-87 (Трифано-Печенгский монастырь). Оп. 1. Д. 7.

19. ГАМО. Ф. И-87 (Трифано-Печенгский монастырь). Оп. 1. Д. 14.

20. Гемп, К. П. Сказ о Беломорье / К. П. Гемп. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1983. – 239 с.

21. Житова, Т. А. Идеино-художественная концепция праведничества в поэзии Н. А. Некрасова : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Житова Татьяна Алексеевна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2006. – 22 с. – Место защиты: Московский педагогический государственный университет.

22. Из воспоминаний Аристарха Черепанова о Трифановом монастыре // Свято-Троицкий Трифанов Печенгский мужской монастырь. – URL: <http://trifon-luostari.cerkov.ru/2002/07/27/iz-vospominanij-aristarxa-cherapanova-o-trifonovom-monastyre/> (дата обращения: 23.08.2022). – Текст : электронный.

23. Корольков, Н. Ф. Трифано-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифаном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление / Н. Ф. Корольков. – Санкт-Петербург : издано усердием благотворителей..., 1908. – 162 с.

24. Курышова, Л. В. Женские монастыри России: своеобразие культурных традиций (на примере монастырей Волгоградской области) : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Курышова Людмила Вениаминовна ; Волгоградский государственный медицинский университет. – Волгоград, 2010. – 289 с.

25. Монастыри Архангельского Севера: XIV–XXI вв. Архангельск : Государственный архив Архангельской области – Вологда : Киселев А. В., 2017. – 479 с.

26. Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2 (Научно-исследовательская деятельность). Оп. 1. Д. 125.

27. Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2 (Научно-исследовательская деятельность). Оп. 1. Д. 156.

28. Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2 (Научно-исследовательская деятельность). Оп. 1. Д. 159.

29. Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2 (Научно-исследовательская деятельность). Оп. 1. Д. 167.

30. Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2 (Научно-исследовательская деятельность). Оп. 1. Д. 179.

31. Немирович-Данченко, В. И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами / В. И. Немирович-Данченко. – Санкт-Петербург : Издание П. П. Сойкина, 1901. – 167 с.

32. Полилов, Г. Т. По старинному «заморскому» пути и северным гнездам. Путевые заметки по Северу, встречи, итоги, впечатления / Г. Т. Полилов. – Санкт-Петербург : типография Александро-Невского общества трезвости, 1914. – 259 с.

33. Протопопов, С. Д. Из поездки в Соловецкий монастырь / С. Д. Протопопов. – Москва : товарищество типографий А. И. Мамонтова, 1903. – 61 с.

34. Сошина, А. А. Соловецкое богомолье / А. А. Сошина // Соловецкий вестник. – 1993. – № 14 (79). – С. 3–5.

35. Федоров, П. Ф. Соловки / П. Ф. Федоров. – Кронштадт : Кронштадтский вестник, 1889. – 344 с.